

Максуд Ибрагимбеков

НЕМНОГО ВЕСЕННЕГО ПРАЗДНИКА

Это была прекрасная курица. Налитая янтарным жиром, с нежной мраморной кожей, она выделялась на прилавке среди своих разделанных и ощипанных товаров, как гроздь настоящего шаны (сорт винограда - ред.), случайно попавшая в ящик с второсортным виноградом. Он ее заметил сразу, но, разумеется, ничем не выдал своего намерения купить ее. Стоя перед прилавком, он с равнодушным и даже безразличным выражением лица повертел в руках и осмотрел несколько ничем не примечательных бледных стандартных кур. Продавец, молодой коренастый крестьянский парень, молча наблюдал за ним.

- А вот эта сколько стоит? - стараясь изо всех сил, чтобы в голосе прозвучали скука и безразличие, спросил он и, не глядя, кивнул по направлению прекрасной курицы.

Продавец взял курицу в руки и внимательно оглядел ее. Он достал из чрева тщательно вычищенные внутренности, разложил на ладони сердце, выпотрошенный желудок, печень, потом вложил все это обратно и протяжно вздохнул. Мамедали-муаллим понял, что нарвался на грессмейстера.

- В первый раз курицу увидел? Я спрашиваю, сколько она стоит, а ты молчишь...

- Не обижайся, отец, - сказал продавец, - как раз когда ты подошел, я стоял и думал, зачем я продаю эту курицу... Вместо того чтобы сделать из нее чихиртму и съесть у себя дома со своей семьей, я ее продаю. Мне же это невыгодно, потом самому придется переплатить, чтобы купить такую... Посмотри, сколько жиру, - обойди весь базар, нигде больше такой не найдешь.

- Ты скажешь, сколько она стоит? Продавец подумал и назвал цену.

- Только из уважения к тебе продаю так дешево, - добавил он.

- Ты, наверное, думаешь, что это индюк, - Мамедали-муаллим достал деньги. Глядя в глаза продавца, в которых ровным светом мерцала вера в правоту своего дела, любой здравомыслящий человек сразу бы понял, что выторговать рубль на такси не удастся и домой придется добираться троллейбусом.

- Это изумительная курица, - сказал продавец, заворачивая ее в газету. - Я в жизни таких кур не видел.

- Мало же ты еще повидал в жизни, - с сожалением заметил Мамедали-муаллим, отходя от прилавка. Разговаривать после того, как курица была куплена, в общем, и не следовало бы, и сказал он это больше для того, чтобы последнее слово все-таки осталось за ним.

Он подошел к рядам с сухофруктами и пряностями и купил килограмм чернослива. Здесь можно было бы запросто выторговать копеек пятнадцать-двадцать, но к прилавку одновременно с Мамедали-муаллимом подошла соседка по улице, с которой он не был знаком, но раскланивался, и по этой причине пришлось отойти, оставив продавцу пять копеек причитающейся сдачи. Ждать при соседке, пока тот выудит из бездонных карманов пятак, Мамедали-муаллим почел для себя неприличным.

Он подошел к дому изрядно уставшим. Переполненная кошелка сильно натрудила руку, давала о себе знать и отдышка, а впереди его ожидали четыре этажа лестницы. Мамедали-муаллим никогда не позволял себе передохнуть на улице, как какой-нибудь немощный старик, он считал, что настоящий мужчина не должен поддаваться физическим слабостям. Он и на лестнице никогда не останавливался. Конечно, он мог остановиться в том случае, если встретил какого-нибудь знакомого или приятеля; это вполне нормально, если человек, встретив знакомого, заговорит с ним, предварительно отдышавшись, вот как сейчас, например.

- Здравствуйте, - почтительно сказал управдом. - Здравствуйте, Мамедали-муаллим, я вот только сейчас говорил о вас, соседям вашим говорил, что вот Мамедали-муаллим, такой уважаемый человек, а ни разу еще не просрочил срок квартплаты... Говорю, с него пример берите. Удивительные люди ваши соседи, ведь чего проще - раз в месяц уплатить квартплату! Вы домой идете? Отнести вам сумку?

- Спасибо, не надо, - сухо ответил Мамедали-муаллим. - Слушай, а когда ты устроишь на крыше парник? Сколько раз говорить тебе можно? Ведь это так просто: проводишь на крышу трубы парового отопления, ставишь три батареи и стеклянную крышу, копейки стоит все это, а выгоды какие, ты можешь понять? Шпинат будем выращивать, помидоры, цветы... Сплошное удовольствие. Всему дому выгода. А ты на весь город прославишься,

первый управдом будешь в СССР, кто на крыше дома парник построил, в газеты попадешь.
Плохо тебе?

- В смете же нет этого, - объяснил управдом. - Как же я построю, когда на это деньги не отпущены. Вот клянусь здоровьем, в смете насчет парника ни слова нет...

- Зря ты упрямишься, - сказал Мамедали-муаллям. - Хороший парник на крыше получился бы. Желание было бы. По-моему, ты бюрократ все-таки. Ну ладно, в следующий раз подробно поговорим об этом. До свидания!

- Да мне не жалко! - с отчаянием выкрикнул ему вслед управдом. - Разве я не понимаю. Возможностей нет. Клянусь здоровьем детей, никаких возможностей!

- Ладно! - Мамедали-муаллим стал подниматься по лестнице.

Разговор с управдомом его, как всегда, развеселил, даже усталость прошла. Этот парень совершенно не понимал юмора и каждый раз всерьез переживал шутку Мамедали-муаллима насчет строительства на крыше дома оранжереи.

Дверь ему открыла радостно оживленная жена - Ляфруз-ханум.

- Вахид встретился в Гаване с Мирза Гуламом, - выпалила она. Представляешь?!

- Вот это да! - сказал ошарашенный Мамедали-муаллим.

-Вахид пишет, что он шел по улице и вдруг видит - идет ему навстречу Мирза Гулам, он своим глазам не поверил... Встретились, разговорились...

- Погоди, погоди, - остановил ее Мамедали-муаллим. - Я сам почитаю письмо, не рассказывай.

К чтению писем от сына Вахида, который вот уже четыре года вместе с женой, тоже инженером-нефтяником, работал на Кубе, Мамедали-муаллим относился очень серьезно и читал эти письма, только полностью освободившись от всех дел.

- Ты мне скажи, как Мирза Гулам там оказался? Только этого не хватало Мирза Гулам и Гавана. В Баку раз в месяц приезжал, и то если попутная машина попадалась, ты же знаешь, какой он скупой... Бедная Гавана.

- Ничего особенного, - догадался Мамедали-муаллим. - Он работал на заводе кондиционеров, вот, наверное, и поехал по этим делам. В Гаване, сама знаешь, жара какая, еще посильнее, чем в Баку бывает... А этот Мирза Гулам хоть и скупой, но толковый... Повезло. Хорошее место Гавана... А еще есть Гоно-лулу или Сингапур, - вздохнул Мамедали-муаллим. - Я уж точно знаю, что никогда в жизни туда не попаду, а Мирза Гулам поехал и не понял даже, как ему повезло... А ты, Ляфруз, хотела бы в Сингапур?

- Куда? - хмыкнула Ляфруз-ханум. - Других забот у меня нет? В Гавану я еще поехала бы, к Вахиду...

- Счастливый ты человек, - вздохнул Мамедали-муаллим.

- Почему это я счастливая?- насторожилась Ляфруз-ханум - Эх ты, а кинзу купить забыл, - она еще раз заглянула в опустошенную кошелку, - так и есть забыл!

- Совсем из ума выжил, - расстроился Мамедали-муаллим - Никогда со мной такого не было.

- Обойдемся, - сказала жена. - У соседей возьму, они тоже утром на базар ходили, а ты ляг отдохни немного, лица на тебе нет.

После обеда Мамедали-муаллим, лежа на тахте, приступил к чтению своей любимой книги - мемуаров генерала его императорского величества от артиллерии Алибека Шихлинского. Книгу эту он перечитывал ежегодно, а после выхода на пенсию дважды в год. Особенно интересные, по его мнению, места он читал жене вслух, слушала она внимательно, непременно каждый раз спрашивая, что такое контрэскарп или флешь.

Он посмотрел на часы, до вечера оставалось очень много времени. Мамедали-муаллим вздохнул и, надев поверх безрукавки-стеганки пиджак, спустился во двор. Стояла не по зимнему теплая погода. На площадке играли в волейбол. Мамедали-муаллим постоял у края ее, понаблюдал некоторое время за игрой, крикнул: "Молодец!", когда пятнадцатилетний Рашид в резком прыжке погасил мяч, и, подойдя к невысокому деревянному сарайчику в глубине сада, открыл ключом дверь. Некоторое время он посидел в полумраке. В сарайчике было очень тихо и очень спокойно и успокаивающим был даже привычный запах машинного масла. Он включил свет. Потом прошел в угол сарая, там на специальной деревянной стойке-станке стоял большой мотоцикл. Мамедали-муаллим провел пальцем по поверхности бака, пыли не было. Он обошел мотоцикл со всех

сторон, словно фанатик-антиквар, разглядывающий древнюю амфору, извлеченную со дна океана на прошлой неделе, и недовольно поморщился, когда в дверь сарая постучали. Но приходу ребят он обрадовался и попросил их помочь, выкатить мотоцикл наружу. Ребята все были с этого же двора и относились к Мамедали-муаллиму с уважением, потому что был он человек к детям добрый, досконально разбирался во всех спортивных и военных делах и слыл самым справедливым арбитром.

Они все вместе - вчетвером - выволокли тяжелую машину наружу, и Мамедали-муаллим вторично, при дневном свете, совершил генеральный осмотр.

- Последний раз я его выводил три года назад, - сообщил он ребятам. Летом. Сейчас мы его заведем. Должен завестись сразу, карбюратор я только позавчера промывал.

Мотор завелся с первого же оборота, издав жуткий утробный рев, и на лице Мамедали-муаллима немедленно разлилось выражение неслыханного блаженства и удовлетворения.

-Это "харлей"! - сказал он.

- А почему он такой большой? - спросил Рашид.

Мотоцикл был и впрямь невиданно велик и вызывал в памяти своими начищенными медными частями, грубой решеткой радиатора и причудливой формой бензобака и акселератора изображения гидроэлектростанции первых пятилеток.

Мамедали-муаллим снисходительно посмотрел на него.

-Это "харлей"! - повторил он гордо. Он потер пальцем небольшую царапину на бензобаке - в сорок-шестом году поцарапал.

- А вообще, это абсолютно сохранный мотоцикл, - сказал он - я ведь за ним знаете как ухаживал. Это прекрасная машина - "харлей". У него мотор - зверь! Неограниченной мощности, сейчас таких не делают. Я каждый год мотор его перебираю - ни одного изъяна, ни одной стертой детали. Я тоже не изменился, улыбнулся Мамедали-муаллим, - с одной стороны, не изменился, но мотор мой уже ни к черту не годится, - он потер впалую грудь, - а у него мотор каким был, таким и остался... Я помню, когда я его приобрел, это был тогда единственный "харлей" в Баку, все останавливались и смотрели вслед, хорошие были времена...

- А когда это было?

-Что когда было?

- Когда вы мотоцикл купили ?

- Я могу сказать точно - это было тридцать пять лет и четыре месяца назад, - сказал Мамедали-муаллим.

Он посмотрел на изменившееся выражение лиц ребят и подумал, что, наверное, по их мнению, тридцать пять лет - это невообразимо много. Тридцать пять лет человеческой жизни - это действительно много... И во дворе ничего не изменилось, даже беседка все та же, и крышу дома железную за это время от силы семь раз покрасили, разве только деревьев больше стало... И че-рез тридцать пять лет ничего в общем-то не изменится, будет так же кто - то беседовать в пригожий зимний день с ребятами в этом дворе...

Холодное зимнее солнце отбрасывало на асфальт тени от кустов олеандров, и Мамедали-муаллиму вдруг стало зябко. А ведь это была очень простая и очевидная мысль, но показалась на этот раз почему-то сокрушающее пронзительной и жестокой...

- Минутная слабость, - успокоил он ребят, провел ладонью по щеке и улыбнулся. - В моем возрасте это иногда бывает. Помогите мне поставить мотоцикл.

Он еще некоторое время посидел во дворе с ребятами, пого-ворил с ними о разных делах и о том, что климат в Баку меняет-ся к лучшему, с каждым годом становится мягче и что не за горами весна.

- Весна - самое лучшее время года, - вздохнул Мамедали-муаллим, - нет ни одного человека на свете, который может привыкнуть к весне. Самое главное хорошо провести весну!

Он попрощался и пошел домой. Ляфруз-ханум он сказал, что хочет навестить брата, у которого не был вот уже три дня, и предложил ей пойти с ним, но Ляфруз-ханум отказалась, потому что по телевидению вечером должны были показать какую-то интересную передачу.

Мамедали-муаллим не стал настаивать, он знал: жена не очень любит ходить в гости к его родственникам. Не то чтобы она испытывала к ним неприязнь, просто Ляфруз-ханум предпочитала общаться с ними в дни праздников или званых угощений. Он надел свой очень приличный коричневый костюм и налив на ладонь немного "Шипра", подушил лысину и подбородок.

Ляфруз-ханум помогла ему надеть пальто и попросила не засиживаться у брата допоздна.

Мамедали-муаллим шел по вечерней улице и раскланивался со знакомыми.

Если бы Мамедали-муаллим был человеком, склонным к самоанализу, и если бы кто-нибудь спросил, отчего это у него сегодня вечером такое хорошее настроение, то, несомненно, Мамедали-муаллим сумел бы очень подробно и правильно ответить на этот вопрос. Он сказал бы, что у него, Мамедали-муаллима, все в жизни сложилось очень неплохо - живы-здоровы его жена и он, и что Ляфруз-ханум до сих пор остается для него самой красивой и желанной женщиной, что, слава богу, дети все устроены и преуспевают, что на старости лет у него есть и дом, и достаток, и твердый ежемесячный доход в виде пенсии его и жены и что в конце концов почему должно быть плохим настроение у человека, который в этот прекрасный зимний вечер идет к своему родному брату, тоже очень порядочному человеку, выпить пива и поговорить за нардами о политике. Мамедали-муаллим ответил бы так и посчитал бы, что на вопрос о настроении он ответил исчерпывающе полно и правильно. Но если человек, задающий вопрос, оказался бы не очень тактичным и настырным, то Мамедали-муаллим, возможно бы, даже сказал и то, в чем он старался не признаваться себе: настроение у него хорошее еще и потому, что до весны осталось уже очень мало, до весны и связанных с нею событий.

Ляфруз-ханум вошла в комнату не вовремя, точнее, она вошла как раз в тот момент, когда белая полотняная кепка с солнцезащитным голубым пластмассовым козырьком села наконец на голову особенно ладно и в зеркале шифоньера можно было увидеть, какое выражение суровой мужественности придает человеку этот чисто спортивный головной убор.

Ляфруз-ханум, стоя в дверях, полюбовалась своим мужем, а он откашлялся и, немедленно стянув кепку с головы, сказал:

- На днях, сама знаешь, эта кепка мне понадобится, а мне с чего-то вдруг взбрело в голову, что тесна она, вот я и решил, чем сразу новую покупать, примерю-ка я эту...

- За зиму в шифоньере ссохлась, - кротко поддержала беседу Ляфруз-ханум. - Ну как ты решил, новую купим или эту на растяжку отдадим?

- Годится и эта, - смущенно буркнул Мамедали-муаллим и прошел мимо Ляфруз-ханум в переднюю.

- Я твои гарусный костюм из нафталина вынула уже, - сказала она ему вслед - сегодня проветрится, завтра сумеешь надеть, а кепочка тебе очень идет, очень ловко ты ее примерил.

На следующий день Мамедали-муаллим вернулся с базара гораздо раньше обычного. Когда Ляфруз-ханум открыла кошелку, оттуда пахло весной - от ранневесенних огурцов и алычи. Она вынула один огурец и, разрезав его на две половинки и круто посолив, протянула одну половинку Мамедали-муаллиму.

- Загадай желание, - сказала она.

Ляфруз-ханум верила в примету, по которой любое желание, загадываемое в момент вкушения от первых весенних овощей, исполняется на протяжении остальных времен года.

- Ко мне еще не звонили? - спросил Мамедали-муаллим, доев огурец.

- Кто может звонить в такую рань? - ответила Ляфруз-ханум. - Глянь-ка на часы, девяти еще нет, ты сегодня на полчаса раньше обычного пришел.

В этот день Мамедали-муаллим никуда не пошел. Он просидел до вечера дома, время от времени отвечая на телефонные звонки: звонили родственники и знакомые, с которыми Мамедали-муаллим в любой другой день с удовольствием поговорил бы, но сегодня был он с ними предельно краток - боялся занимать телефон.

Напрасно прождал он и весь следующий день. Ляфруз-ханум старалась его ничем не раздражать, он и так ходил словно потерянный, а на базаре вместо баранины для бозбаша купал говядину, чего с ним никогда еще и не случалось.

Ночью Ляфруз-ханум слышала, как он ходит по комнате, шелестя по паркету мягкими домашниками. Утром стал он поздно, прочитал газету, а потом пошел и снова лег.

Так он прождал звонка всю неделю. Изменился за эту неделю несказанно. Даже взгляд у человека другой стал.

В воскресенье Ляфруз-ханум накрыла стол нарядно, новую скатерть постелила, а на обед подала самые любимые Мамедали-муаллимом кутабы и дюшбере... А Мамедали-муаллим только взглянул на стол:

- Извини, Ляфруз, я есть не буду, аппетита -нет.

- Ты посмотри на себя в зеркало, - сказала Ляфруз -хамум. - в кого ты превратился. Мамедали, у тебя уже не тот возраст, чтобы можно было себя так мучить. Ты уже три дня почти ничего не ешь... Ты что, маленький?!

_ Не буду я есть. Не хочу! - Мамедали-муаллим отодвинул от себя тарелку и пошел вон из комнаты на кухню.

_ Ну и не ешь! - закричала Ляфруз-ханум. - Нужен ты им, старый дурак! Потом спохватилась, замолчала и побежала на кухню. Мамедали-муаллим сидел на табуретке, выпрямившись, и о чем-то думал. Ляфруз-ханум посмотрела на его худую шею, всю в морщинах, на тонкие торчащие уши, и до того ей стало его жалко, что не выдержала она и, прижав к груди его голову, заплакала в голос.

Утром его разбудила Ляфруз-ханум.

_ Вставай, тебя к телефону просят, - шепотом сообщила она. - Очень вежливый голос, - говорила она скороговоркой, идя вслед за ним к телефону, по-моему, я не ошиблась, это тот же голос, что и в прошлом году...

-Я слушаю, - сказал он. - Да... Ну, спасибо. Я, честно говоря, подумал, что я вам уже не нужен... Чем я могу быть занят? Конечно, готов... Не опоздаю. - Он положил трубку и утвердительно кивнул жене: - Они... Не забыли все-таки. - Счастливую улыбку скрыть не удалось, несмотря на все его старания.

- Вот видишь, - сказала Ляфруз-ханум, - я же тебе говорила, что все будет в порядке, а ты... Эх, ты! Не думала, что ты такой слабый человек.

- Да не о себе я беспокоился, - слабо запротестовал Мамедали-муаллим. Драгоценное ведь время проходит. Сейчас, в апреле, каждый день на вес золота. Каждый день тренироваться нужно... Я же знаю, потом какая гонка начнется...

- "О деле беспокоюсь", - передразнила Ляфруз-ханум. - Ладно, идем завтракать, сегодня уж ты у меня поешь как надо! Я тебе говорила - каждый год приглашали, пригласят и в этом... Какая разница - на неделю позже, на неделю раньше... Я же говорила... Посмотри на себя - на десять лет за эти дни поста-рел. А я ведь говорила... .

Ничего этого она не говорила, и это знали и сама Ляфруз-ханум и Мамедали-муаллим, но спорить было бесполезно.

Вечером Мамедали-муаллим присутствовал на заседании штаба по подготовке весеннего праздника. Заместитель начальника детского сектора представил его присутствующим, но, как выяснилось, никакой нужды в этом не было: большинство его знало. Потом началась читка сценария празднества, и Мамедали-муаллим внимательно слушал и делал пометки в блокноте, который вручили ему у входа в зал. Обсуждение сценария затянулось до поздней ночи. Мамедали-муаллим выдвинул несколько конкретных предложений, все они были признаны присутствующими дельными и приняты к сведению сценаристами.

А потом начались тренировки. Из дому Мамедали-муаллим уходил очень рано, на базар теперь ходила Ляфруз-ханум, домой он забегал днем на короткое время, на обед, рассказывал Ляфруз-ханум о последних событиях на площади и снова уезжал, возвращался поздно вечером, вконец уставшим. Рассказывал он о праздничных делах и утром за завтраком:

- Представляешь, вдруг вижу посередине площади бронепоезд, - откуда бронепоезд, почему должен появляться на площади бронепоезд, когда мое время? Кричу в микрофон:

"Убрать бронепоезд!" Моментально убрали... Позже выясняется, что решили опробовать бронепоезд и не нашли для этого лучшего времени. Полная безответственность!

- Послушай, Мамедали, как на этой площади появился бронепоезд, там же рельсов нет? - спросила почтительно слушающая Ляфруз-ханум, которая вечно удивлялась совершенно не тому, чему следовало бы удивиться.

- Бронепоезд же не настоящий, - с досадой пояснил Мамедали-муаллим, он декоративный, на резиновом ходу... Из фанеры.

- Похож на настоящий?

- Очень похож, - увлекаясь, сказал Мамедали-муаллим. - До чего похож, ты даже представить себе не можешь. Я когда его впервые увидел - глазам не поверил, и пушки как настоящие и пулеметы. Молодцы, здорово сделали. Это для театрализованного представления.

- Похудел ты очень, - вздохнула Ляфруз-ханум. Мамедали-муаллиму была поручена колонна школьников из пятисот человек. Уже на пятый день Мамедали-муаллим запомнил всех звеньевых и, давая указания с трибуны, непременно называл их по имени: память на лица и имена была у него феноменальная.

После каждой тренировки он собирал всех своих и давал им разъяснения. По его настоянию в буфет, временно открытый на площади, стали завозить горячие завтраки, а одна из больших комнат штаба была отдана школьникам под гардероб.

Каждый день, стоя на трибуне под весенними лучами солнца, Мамедали-муаллим проводил свои занятия. Играла музыка, вокруг сновали какие-то люди, тянущие провода, устанавливающие новые прожекторы и микрофоны, но Мамедали-муаллим всего этого не замечал - все внимание его было приковано к площади, где происходило чудо. По площади двигалось живое зеленое поле и вот, достигнув определенной точки, оно расцветивалось алыми маками или превращалось в хлопковое поле с поспевшими раскрытыми коробочками. И автором, дирижером этого чуда был Мамедали-муаллим. Это, повинувшись его голосу, происходило волшебное действие. Он кричал с трибуны, подгонял, и рупоры разносили его голос далеко за пределы площади, упрашивал, молил... Впрочем, со временем нужда в этом пропала: колонна Мамедали-муаллима, являющаяся частью

массового театрализованного представления, четко и правильно к концу срока тренировок делала все, что ей положено делать по сценарию. Но все равно и на генеральной репетиции Мамедали-муаллим страшно переволновался... Он стоял на трибуне и следил за тем, как проходит его колонна. Вот она вышла на площадь, сразу после судоремонтников, несущих гигантскую действующую модель буровой, вот она достигла середины площади, остановилась, абсолютно точно остановилась, на той самой точке, вот приступила к выполнению задания... Маки... Какие молодцы, а ведь совсем маленькие, несмышлёныши, и хоть бы один ошибся, вместо красного полотнища выставил белое... Молодцы, детишки, молодцы... Хлопковое поле пошло... Прекрасно... Надписи... Ну, слава богу! Оркестр явно играет в более замедленном ритме, чем обычно... Впрочем, кажется, он играет как всегда... Все ушли с площади... Очень здорово ушли.

После генеральной репетиции на заседании штаба выступление школьников получило отличную оценку. Начальник штаба особо отметил хорошую работу Мамедали-муаллима.

После окончания заседания заведующий детским сектором поблагодарил Мамедали - муаллима.

- Вы за пятнадцать дней сделали невозможное, признаться, до вашего прихода в штаб мы даже подумывали о том, чтобы снять колонну школьников, нам казалось, что они ничего не успеют... Вы меня не помните, Мамедали-муаллим, я был вашим ассистентом на открытии республиканского стадиона в тысяча девятьсот пятьдесят втором году?..

- В пятьдесят первом! - машинально поправил Мамедали-муаллим. - Как же, помню. - Он действительно помнил. - Вы мне тогда здорово помогли.

-Вы, по-моему, ушли на пенсию очень поздно?

- Да, я ушел на десять лет позже всех своих сверстников. Да и тогда я не хотел уходить, но...

- Мамедали-муаллим развел руками, - время диктует свое. ,

- Славный старик, - сказал после его ухода начальник детского сектора своему заместителю,

- талантливый человек... Но все-таки зря ты его пригласил, я тебе и тогда говорил... Это же бесчеловечно заставлять работать целый день под солнцем такого пожилого человека. Ты видел, как у него лицо обгорело? Просто стыдно. Я тебя уж прошу, чтобы это было в последний раз. Да. И еще. Немедленно внеси его в список награждаемых Почетной

грамотой за подготовку праздника... Прекрасный человек, интересно, какими мы будем в его возрасте?

Ляфруз-ханум на площадь идти отказалась:

-По телевизору посмотрю, по телевизору лучше показывают, я и тебя увижу, непременно увижу, вот посмотришь... По телевизору они очень здорово показывают, сразу - и правительство и Демонстрацию.

Мамедали-муаллим сидел на самом лучшем месте и беседовали с соседями по трибуне. После военного парада началось театрализованное представление, которое всем очень понравилось, а в некоторых местах трибуны прямо ахали от восторга и дружно аплодировали. А потом на площади проплыло зеленое поле, которое расцвело в положенный момент маками, покрылось хлопком, расцветилось приветственными надписями, и все пришли в умиление и радостно хлопали...

Когда телеобъектив направляли на него, Мамедали-муаллим знал, что Ляфруз-ханум и все родственники в этот момент видят его по телевидению, и это тоже было очень приятно.

После окончания представления девушки в красивых платьях вручили ему цветы и предложили машину. Мамедали-муаллим отказался, и действительно, для чего человеку машина, когда он абсолютно счастлив.

Управдома он увидел издали, тот стоял на углу и беседовал со знакомым регулировщиком.

- С праздником! - еще издали закричал ему Мамедали-муаллим. - Поздравляю!

- Поздравляю вас и вашу семью, - почтительно сказал управдом. У него было испуганное выражение лица.

-Насчет парника не скажу тебе ни слова, - сказал Мамед-али-муаллим.

- Да вот честное слово, - завизжал управдом. - Никакой возможности нет. Я в райисполком ходил. Говорю, так, мол, л так: у меня инициатива - хочу на крыше парник построить, а мне говорят: за такую инициативу с работы полетишь... И в смете никакой графы об этом нет...

- Уволить тебя не позволим, - внушительно сказал Мамедали-муаллим. Подумаешь, райисполком! За инициативу с работы снять! А о парнике больше ни одного слова я тебе не скажу... Все! Забыли!-Он попрощался с управдомом и регулировщиком и пошел к дому. У входа в парадное, что-то надумав, остановился и снова повернулся к управдому:

- Да, вспомнил. А что, если мы с тобой в одном из подвалов устроим теплицу для грибов. Подвалы же стоят пустые, совершенно бесполезно, а тут сразу всему дому грибы... Просто очень здорово. Минимальные расходы. Ты посмотри в смете, как там насчет грибов...

Мамедали-муаллим поднимался по лестнице, ни разу не остановившись в длинном пути на четвертый этаж. Настроение у него было отличное!

1970